

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Разжалованный

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Разжалованный / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 266 с.

ISBN 978-5-519-98966-4

Дата на корешке

ISBN 978-5-519-98966-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ТОМЪ ВТОРОЙ.

КНЯЗЬ СЕЛИМЪ.

I.

Какъ однообразно, мучительно - однообразно неугомонныя волны бѣгутъ къ пустынному берегу.

Солнце уже высоко и отъ тумана не осталось даже влажнаго слѣда въ выбоинахъ утесовъ. Все сверкаетъ, горитъ, накаляется подъ жаркими, беспощадными лучами. Сухой песокъ блещетъ, какъ разсыпанное золото. Горы вдали кажутся серебряными чашами, жаждущей землей — любвеобильному и щедрому небу. Вѣтра нѣтъ — а волны все бѣгутъ да бѣгутъ издали. Откуда берутся онѣ и зачѣмъ такъ спокойно, но неодолимо несутся сюда... Въ ихъ гулѣ и грохотѣ, въ шорохѣ пѣны, развертывающейся на отмели, въ шипѣніи, съ какимъ ихъ влага просачивается въ ея пески — слышится только одно торжествующее, громкое, задорное, наглое оранье воронья, справляющаго свою вѣчную побѣду надъ людскою злобой. На этомъ жалкомъ клочкѣ земли — оно одно повелѣваетъ и ликуетъ. Шакалы ждутъ вечера. Пока держатся въ сторонѣ. Вонъ ихъ сѣрые силуэты... Поджавъ заднія ноги, только отдаленнымъ воемъ отзываются на пиршество воронья. Какимъ сплошнымъ кольцомъ окружили они трапезу. И ни у одного животнаго пока не хватило смѣлости подойти. Еще бы! Оттуда медленно курится дымокъ. Должно быть, тамъ

есть еще живой у костра, поддерживаетъ въ немъ огонь... Дымокъ подымается къ голубому небу. Сизый весь, пронизанный солнечными лучами... Только воронье его не боится. Оно поняло свою силу. Этотъ человѣкъ у костра съ хворостинкой ему не страшенъ... Крики его не приносятъ вреда черной и жадной птицѣ. Да и они слабѣютъ. Жара утомила. Пожалуй, скоро удастся и ему въ голову вцѣпиться острыми стальными когтями и ударомъ сильнаго чернаго клюва выхватить изъ нея еще живой глазъ... Онъ, этотъ человѣкъ, только одно и знаетъ—беречь другого, уже мертвого, лежащаго у него на колѣняхъ. Нѣсколько вороновъ съ пронзительными и негодующими криками летало надъ ними... Они точно спрашивали: «Ну, когда же ты совсѣмъ обезсилишься и перестанешь шевелиться? Вѣдь ты отданъ намъ, ты наша законная добыча. Все, что здѣсь есть—все наше. Чего же ты ждешь и борешься?.. Съ судьбою, олицетворяемою этими зловѣщими черными птицами. На всѣхъ трупахъ кругомъ онѣ. И сколько ихъ налетѣло сюда! Кажется, и въ горахъ нѣтъ такихъ адскихъ легионовъ воронья. Нѣкоторыхъ солдатъ совсѣмъ не видать подъ ними. Трупы кажутся шевелящимися черными массами. Шуршатъ крылья. Царапаютъ сукно съ бѣшенствомъ и силой стальные когти, и часто, тяжело подымаясь надъ ужасною добычей, воронъ летитъ къ камню и съ громкимъ стукомъ чиститъ о него крѣпкій клювъ, чтобы сейчасъ же вернуться назадъ къ оставленному пиршеству. А волны все бѣгутъ и бѣгутъ сюда, у самаго мѣста побоища развертываясь бѣлыми размоинами пѣны.

Кутькó уже засыпать было началъ подъ безпощаднымъ солнцемъ.

Жажда мучила, раны жгло такъ, что смерть, казалось, была бы легче; въ головѣ мутило, въ груди невыносимая боль и въ то же время, несмотря на это, все-таки обноситъ, кружить, въ неодолимую дрему клонить. Такъ бы пересталъ бороться, упалъ лицомъ впередъ и замеръ—пусть подлая черная птица дѣлаетъ, что хочетъ. Вонъ одна самая большая — она давно сидитъ за костромъ и пристально смотреть на Кутькó. Точно терпѣливо ждетъ, когда тому надоѣстъ это. Раненый видитъ черный зловѣщій глазъ ея, замѣчаетъ, какъ у нея расправляются когти, глубоко уходя въ разсыпчатый песокъ, «такъ бы-де и вонзила ихъ въ тебя!» Сидитъ-сидитъ терпѣливо, да вдругъ и клюнетъ воздухъ, какъ будто показывая—«вотъ я тебя именно такъ и кокну!» Онъ ослабѣвшею рукою бросалъ въ нее и угли, и хворостиною замахивался, но воронъ даже и не полыхался. Какъ часовой на своемъ посту, своеобразный «мортусъ» ждалъ и ждалъ. Весь онъ говорилъ, казалось: «ты не безпокойся — я все равно дождусь... Мы одни здѣсь хозяева!» Минутами Кутькó — когда солнце уже слишкомъ жгло ему спину—замиралъ и засыпалъ... Но тотчасъ же безсознательно дѣлалъ надъ собой усилюе и опять возвращался къ жизни и ея страданіямъ. И вода вѣдь близко—вонъ она зелеными гребнями наваливается и раскидывается по берегу. Такъ бы и подставилъ ея нѣжной ласкѣ измученное тѣло. Да надо добраться — когда въ ногахъ силы нѣтъ!.. И тѣ ждутъ. Кутькó съ ужасомъ қосился вдаль на длинную линію ша-

каловъ, оцѣплявшихъ мѣсто недавняго побоища... И воютъ какъ, подлые!.. Должно быть, животы голодъ подводить, а храбрости накинута нѣтъ еще... Костра бояться... Но воронъ, что сторожить его, — не простая птица. Суевѣрному пластуну чудится, что это самъ чортъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничего нейдетъ ему. И головешкой, собравъ послѣднія усилія, швырнулъ Кутькó, а тотъ даже и не посторонился, только клювомъ взмахнулъ—вижу-де. Не бойся, все вижу!.. Что-то, дѣйствительно, сатанинское было въ выжидающей птицѣ. Сознательное, зловѣщее, безпощадное, увѣренное въ себѣ...

И лошади, къ одной изъ которыхъ прислонился Кутькó, подъ солнцемъ, въ нестерпимой жарѣ, пухнуть. Вѣтру бы, чтобы свѣжимъ воздухомъ пахнуло; дышать становится трудно отъ смрада. Запахъ разложенія такъ все переполнилъ кругомъ. Еще недолго, и Кутькó чувствуетъ—отъ одного этого заражающаго тлѣнія можно умереть. А тутъ еще темя жжетъ до бреда... Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ-нѣтъ, да и представится старому пластуну, что онъ идетъ по какому-то ущелью, рѣка шумитъ около — наклониться бы да припасть къ ея освѣжающей водѣ, но кто-то схватываетъ его за плечи и крѣпко-крѣпко держать, не даетъ ему. А то вдругъ Свято-Никольскій постъ чудится. Сидитъ Кутькó на вышкѣ, свою очередь отбываетъ — и кругомъ весь просторъ богоданный мерещится въ свѣтѣ и нѣжности красокъ, въ очарованіи знакомыхъ очертаній... Жарко, пить хочется—онъ наклоняется, хочетъ взять кувшинъ съ водой, но онъ приросъ къ дереву вышки, и никакъ нельзя его отодрать...

И вдругъ темная, жаркая ночь. Звѣзды горять раздраженно. Воздухъ застылъ весь и не шелохнется... Цвѣтами пахнетъ. Они исходятъ благоуханіями, заморенные жарою. Должно быть, гроза изъ-за тѣхъ вонъ горъ надвинется. Ишь, уже въ царствѣ мрака подымается тамъ еще болѣе мрачное что-то... Чу... тамъ сверкнуло. Будто огненное око подняло вѣжды, мгновенно взглянуло на міръ и опять смежило ихъ... Къ водѣ бы скорѣе, истомисься безъ нея, или дождемъ бы сверху облило. И Кутькó, чуть не падая отъ усталости, идетъ на шумъ ручья. Вотъ онъ здѣсь долженъ быть, близко—у самыхъ ногъ слышится. Нѣтъ, дальше. Кое-какъ, собирая послѣднія усилія, бредетъ пластунъ туда—опять близко-близко. Сейчасъ, сію минуту—и вдругъ журчаніе и ропотъ холодныхъ струекъ точно отодвигаются, пропадаютъ, исчезаютъ. Ну, слава Богу, туча поднялась, полнеба заслонила! Сейчасъ такимъ ливнемъ освѣжитъ жаждущую землю!.. Уже все закрыто ею. Насупилась и нависла мрачная, черная, могучая... Вотъ-вотъ раскроются ея нѣдра, и изъ нихъ хлынетъ освѣжающею влагою... Кутькó ждетъ еѣ. Онъ оживетъ отъ нея. Все его тѣло ноетъ, прося ея, ожидая ея прохлады, какъ величайшаго счастья—и вдругъ... нѣдра ея, дѣйствительно, раскрываются. Но тамъ пламя всеожигающее, всеизсушающее. Ни капли воды оттуда—и только тысячи молній вырываются и бороздятъ землю. Кутькó падаетъ подъ ними,—еще минута—и смерть... И скорѣе бы... И опять онъ раскрываетъ глаза, возвращается къ ужасному сознанію, чтобы видѣть—солнце надъ собою, пустынное песчаное побережье, зеленые волны вдали,

трупы, покрытые вороньемъ, и этого большого ворона, ожидающаго его одного и только его. За время его забытья и бреда — терпѣливый стражъ его мукъ даже не измѣнилъ мѣста. Такъ же сидитъ, неотступно смотритъ на него и, кажется, наблюдаетъ, какъ идетъ агонія этого человѣка, самую судьбою отданнаго ему въ добычу...

Солнце теперь жжетъ лицо...

Уже далеко за полдень.

Все-таки чувствуется легче... Не такъ обносить и кружить, какъ тогда, когда лучи падали ему въ темя...

Слѣпить только, и море вдали такъ и горитъ, и мерцаетъ изумруднымъ блескомъ. Должно быть, и вѣтеръ сильнѣе отсюда. Потому что по изумрудному блеску моря теперь все больше серебряныхъ зигзаговъ пѣны. Во всѣхъ направленіяхъ они. Только серебряныя змѣи поднимаются на поверхность возмущенныхъ водъ и играютъ на нихъ, привольно раскидываясь и подставляя себя ласкѣ прохладнаго вѣтра. Чу... что это? Не новое ли что? Кутыкъ смотритъ направо. Чакалки насторожились. Завыли еще пронзительнѣе...

Смятеніе между ними.

Вонъ тѣ, которыя подальше, вскинулись и бѣгутъ въ лѣса... Торопливо бѣгутъ. Какъ ни гаснетъ взоръ Кутыкъ, все же онъ видитъ сѣрые, расплзающіеся силуэты... Направо уже ихъ нѣтъ... Оттуда черныя точки какія-то далеко-далеко... И воронье почуяло. Довольное и спокойное карканье смѣнилось тревожнымъ. Даже неподвижный мортусъ, что стоитъ и смотритъ неотступно

на Кутько́, нѣсколько разъ взмахнулъ крылами, точно хотѣлъ подняться—да раздумалъ. «Еще-де будетъ время, успѣю».

Что бы это было?

Не оказія ли изъ Геленджика?

Господи! Вотъ бы во-время. Во-время для Кутько́, разумѣется. Не для этихъ несчастныхъ, что расклеванные подставляютъ теперь солнцу истерзанныя лица и тѣла.

Или черкесы возвращаются?

Все равно — пусть хоть убьютъ его, только положить конецъ этой агоніи. Мертвымъ легче.

Черныя точки ближе и ближе...

Почуяли что-нибудь? Видимо, растутъ—значить, быстро-быстро несутся сюда...

— Какъ быстро! Боже, спаси!—шепчетъ помертвѣвшими губами Кутько́.—Вызволи... Не дай помереть теперь...

— Наши!.. Наши и есть.

Собирая послѣднія усилія, Кутько́, на песчаномъ, отвердѣвшемъ отъ просочившейся воды побережѣ видить казаковъ. И тѣ почуяли, вѣрно. Пики на перевѣсѣ несутся. Отяжелѣвшее сытое воронье медленно подымается. Тучей зловѣщей, отвратительной, съ долгимъ и печальнымъ карканьемъ стелется вверху надъ побоищемъ. Туча свертывается тѣснѣе, гуще... Только одинокій «мортусъ» остался здѣсь—и ни съ мѣста. Такъ же пристально смотритъ на Кутько́... Воронье все выше и выше... Вся небесная даль и ширь гремитъ его крикомъ...

— Чего ты здѣсь торчишь, не улетаешь?—точно спрашиваетъ Кутько́ у одиноко торчащаго за костромъ ворона.

Близко-близко казаки... Совсѣмъ близко. Вонъ впереди одинъ — должно быть войсковой старшина — точно со слѣпу несется. «Почуяли, родные... Спѣшите на выручку». Изъ глазъ Кутько льются слезы. Воронье теперь далеко-далеко — тянется къ лѣсу... И этотъ, что оставался здѣсь — вдругъ полыхнулся, поднялся. Сдѣлалъ широкій кругъ по воздуху, чуть крыломъ не задѣлъ Кутько и тяжело понесся за ними...

Должно быть, оказія велика...

Въ передовомъ разѣздѣ, полусотня...

Офицеръ впереди увидѣлъ трупы и, точно бѣшеный, шпорить и хлещетъ лошадь. Донесся — посмотрѣлъ, весь блѣдный отъ ужаса, снимаетъ папаху, крестится. Догнавшіе казаки тоже крестятся... Губы даже побѣлѣли... Кони узнаютъ такихъ же степнячковыхъ-коней у нихъ. Костеръ курится. У костра кто-то, у кого нѣтъ ужъ силъ позвать ихъ — только манить: сюда - де, сюда. Медленно подъѣзжаютъ къ нему... Боятся, какъ бы копытомъ не ударить по мертвымъ расклеванымъ лицамъ.

— Братцы, да это нашъ пластунъ Кутько.

— Кутько! Ты?

— Воды... воды! — хрипитъ онъ.

Ближайшій казакъ срывается съ сѣдла. Подносить къ раненому баклагу. Тотъ припадаетъ къ ней. Кажется, оторви его сейчасъ отъ этой теплой и противной жидкости — умереть... Долго пилъ... Потомъ судорожно уцѣпился за баклагу зубами и не выпускаетъ... И глаза закрылъ... Одохло... Другіе казаки обмываютъ ему голову, раны. Онъ чувствуетъ что-то освѣжающее, сладостную прохладу. И ему боязно шевельнуться,